Работа над ошибками

Автор:
Анна Лепер

Работа над ошибками

Анна Дмитриевна Лепер

Так ли я живу? Правильные ли решения принимаю? Иногда ответы на эти вопросы могут быть разными в зависимости от обстоятельств, периода жизни, даже настроения.

Анна Лепер

Работа над ошибками

Вера Викторовна проснулась без будильника и по-детски с наслаждением потянулась под одеялом. Залежавшиеся за время крепкого сна тугие выпуклые голени, пышные ягодицы, обширная спина приятно, до легкой дрожи напряглись и блаженно расправились, упиваясь приливом бодрящей крови.

За окном было совсем неприветливо, еще не затопили, и в квартире чувствовалась неуютная прохлада, от чего под одеялом было особенно хорошо. Вставать не хотелось, да и не то чтобы было нужно, поэтому она позволила себе еще немного полежать, стараясь не порвать нагретое ее рослым дебелым телом облако утренней неги.

В ее жизни все было понятно и правильно. Она выбрала профессию учителя исключительно по призванию: всегда, с самого раннего детства, она чувствовала в себе, как ей казалось, совершенно естественное стремление научить других как правильно. Это касалось разных сфер жизни, но особенно ее всегда

раздражала алогичность – в расстановке мебели, чьих-то суждениях, выводах, формулировках… Оказываясь в метро, она не могла отделаться от навязчивой мысли о том, что те самые инвалиды, которым среди прочих предлагается уступать место, вполне могут оказаться пассажирами с детьми, а пожилые люди также очень часто бывают инвалидами, что делало эту фразу совершенно некорректной. Логические ошибки все время цепляли глаз.

Посвятив свою жизнь преподаванию математики, она полностью удовлетворила обе свои потребности – в учительстве и стройности суждений. Правда, ей приходилось постоянно сталкиваться с ошибками на уроках и в детских тетрадях, и каждый раз она испытывала от этого болезненный укол где-то между большими наливными грудями, которые всегда, даже дома, были как положено спрятаны в простой плотный бюстгальтер.

Из собственного бытия она давно старательно вычеркнула любые отклонения от истины и интенсивно переживала нарушение строгого порядка в чужой жизни. Именно в чужой, потому что в своей, выстроенной верно с самого начала, она его не допускала.

У нее было две подруги – Елена Алексеевна и Марина Сергеевна. Они втроем дружили еще со школы. И обе ее подруги успели к своим пятидесяти годам наломать немало дров.

Марина по нелепой случайности дважды выходила замуж, и каждый раз перед разводом приходила к Вере плакаться. Та ее, конечно, жалела и утешала, как могла, но никогда не забывала напомнить о том, что предупреждала о логичных, на ее взгляд, последствиях.

Лена же и вовсе так и не зарегистрировала свой брак, в котором у нее родилось трое детей. И всю жизнь она тащила на себе этот балаган, постоянно занимаясь только решением бесконечных проблем, которые возникали одна за другой или одновременно, как будто существовал некий высший закон о непрерывности этой цепочки. Дети друг за другом болели, выздоравливали, требовали поисков детского сада, школы, изготовления нелепых поделок, выбора спортивных секций, написания сочинений на заданную тему, посещения родительских собраний, отмазки от армии…

И это только то, что касалось грубых искажений матрицы. Мелкие отклонения начались еще в детстве. Подружки позволяли себе знакомиться в транспорте, неосмотрительно встречаться с незнакомыми мальчиками, курить, покупая в переходе у старушек сигареты поштучно, и даже пить. Маринкины родители были какими-то мидовскими шишками, ездили в загранкомандировки, поэтому дома у нее водились совершенно диковинные напитки. Однажды они все втроем после уроков пришли к Маринке домой и, пока отец с матерью не вернулись с работы, открыли заветный шкафчик с алкоголем. Кроме всем известного коньяка и романтичного мартини, Вера запомнила ликер с то ли серебристыми, то ли золотистыми блестками, которые плавно покачивались в густой прозрачной жидкости. Подружки попробовали из каждой бутылки по глоточку и Вере, конечно, тоже предлагали, но она была уверена, что этого делать нельзя. Она всегда точно знала, о чем потом пожалеет. В тот вечер с Мариной и Леной, правда, ничего страшного не произошло, но Вера не сомневалась, что это лишь случайный сбой системы.

Глядя на своих непутевых подруг, Вера твердо решила учиться на их ошибках и никогда не совершать собственных. Ведь всем известно, что на своих ошибках учатся только дураки. И еще, конечно, что жизнь надо сразу писать на чистовик, потому что переписывать черновик потом возможности не будет. Именно поэтому Вера всегда все очень тщательно обдумывала. Даже покупка одежды или обуви у нее не обходилась без взвешенного анализа: в магазине она старательно воссоздавала в памяти весь свой не слишком разнообразный гардероб и внимательно следила за тем, чтобы обновка, что называется, имела общий знаменатель с максимально большим числом вещей. Зачем случайно по дороге с работы покупать красные ботильоны или сумку с крупным цветочным орнаментом (как это частенько делала Марина), если из красной одежды у тебя только купальник, а сумок уже и так целых пять? Пустая трата денег и времени и к тому же нагрузка на экологию, потому что все эти бессмысленные вещи рано или поздно отправляются в помойку.

Вера Викторовна была убеждена, что, в отличие от подруг, всегда права, поэтому по мере сил помогала им, стараясь отговаривать от необдуманных шагов. Это был ее долг, ее крест.

Однако, если на жизнь людей ближнего круга она хоть как-то могла влиять, то все остальные нарушали законы вселенной совершенно бесконтрольно. Как Дон-Кихот, Вера Викторовна всю жизнь боролась с ветряными мельницами в виде районной управы, жэка, продавцов и дорожных рабочих, которые постоянно, без

всякого уважения к строжайшим правилам мироздания, устанавливали пивной ларек прямо напротив школы, чинили крышу после 22:00, хамили покупателям и укладывали асфальт при минусовых температурах. И каждый раз ей было больно – не за этих никчемных людей, конечно, а за общий миропорядок.

Кстати, порядок в доме тоже был для Веры обязательным условием существования. В ее небольшой квартире всегда было чисто и уютно. При этом она знала, что излишняя стерильность может казаться слишком холодной и непривлекательной, поэтому делала все необходимое, чтобы ее дом выглядел жилым.

У нее даже с годами появились свои традиции. Весной она всегда покупала на кухню живые тюльпаны и старалась следить за тем, чтобы на смену увядшему букету как можно скорее появлялся свежий (эту роскошь, правда, она начала себе позволять только когда решилась на репетиторство). Летом старалась находить в лесопарке рядом с домом дикие неухоженные уголки и собирала там полевые цветы. Их беспорядочное разнотравье, конечно, оставляло на столе много мусора, но неповторимый терпкий аромат заставлял ее закрывать глаза на эту неопрятность (подумаешь, чуть чаще поработать тряпкой!).

Для осенней темы, конечно, сначала служили букеты, полученные от многочисленных учеников 1 сентября, а когда эти цветы увядали, на помощь в оформлении дома приходили яркие кленовые листья. Еще в детстве бабушка научила ее сохранять их резную ладошку разжатой: достаточно просто прогладить горячим утюгом. Правда, при этом слегка блекнут краски, но зато форма остается навсегда. Иногда она даже украшала такими листьями не только кухню у себя дома, но и школьный класс, аккуратно закрепляя их в имитации кружения на гладкой поверхности шкафа (чтобы потом можно было без последствий снять) и стараясь заодно (целях просвещения) придерживаться спирали Фибоначчи.

Зимой же ничего не нужно было придумывать: главный и самый правильный аксессуар – это новогодняя елка. Искусственная, чтобы не убирать хвою, но нарядная и обильно украшенная по-советски: разноцветными и разнокалиберными игрушками и пышной пеной мишуры. Тут, пожалуй, она немного отступала от стремления во всем к строгой симметрии, потому что, уже зная об элегантных однотонных елках, которые красовались в европейских интерьерных каталогах, не стала исправлять немного как бы всклокоченный дизайн елки советского детства. Тем более что елочных украшений у нее было

предостаточно. Были среди них и новые шарики (конечно, подаренные кем-то из подруг), и старые, почти старинные игрушки, некоторые из которых были сделаны руками все той же бабушки – большой мастерицы и выдумщицы. Эти уникальные и уже весьма потрепанные гномы, солдатики, зайчики и белки, вырезанные из картона и либо оклеенные цветной бумагой, либо просто раскрашенные цветными карандашами, были сделаны, наверно, еще во времена папиного детства. Поэтому Вера Викторовна, естественно, считала недопустимым вешать вместо них новодел.

Все свои полвека (если не считать безмятежного детства, конечно) Вера Викторовна жила одна и была совершенно этим довольна. Замуж она не то чтобы не хотела: она была бы не против, если бы нашелся подходящий для нее мужчина, но такой на ее пути не встретился, а за неподходящего выходить было неправильно.

Когда-то в молодости она еще находила уместным отвечать на ухаживания. Первого молодого человека звали Роман, он был однокурсником одного из Маринкиных кавалеров, и познакомились они при вполне приличных обстоятельствах: в гостях у Лены (потом, правда, выяснилось, что вечеринка была устроена специально для их знакомства, но Вера нисколько не расстроилась, потому что считала такой способ гораздо надежнее транспортного). Встретившись с ним два или три раза Вера сделала для себя неутешительный вывод, что он не понимает элементарных правил этикета (на первое свидание явился без цветов), ест без ножа и к тому же – о ужас! – интересуется уфологией, что в строгом научном мире Веры было едва ли не смертным грехом. Продолжать с ним встречаться, а тем более выходить за него замуж было недопустимо. Поэтому Вера с абсолютным ощущением собственной прозрачной правоты прямо и без всякого стеснения сообщила Роману о своем отрицательном решении относительно его кандидатуры в мужья, а заодно, конечно, рассказала о вреде лженаучных увлечений и научила держать в руках столовые приборы. Про цветы решила не упоминать, разумно посчитав, что подобное замечание может быть воспринято как указание на материальную несостоятельность жениха, что, в ее понимании, было бы крайне бестактно. В ее глазах он был настолько неразумен, что даже жалок.

Шли годы, и она понимала, что любая нормальная женщина должна иметь детей: таков закон жизни.

На ее пути встретились еще пара мужчин, которые достаточно близко подошли к границам ее суверенного мира. Один из них, Александр, ей даже очень сильно нравился: он был высок, строен и пах сыростью (он жил в полуподвальной комнате, где вещи никогда до конца не просыхали, и этот запах стал ей необъяснимо приятен). Александр покорил ее своей уникальной способностью быстро и безошибочно производить в уме арифметические действия.

Впервые они увиделись на свадьбе Маринки, где он был одним из приглашенных со стороны невзрачного жениха и запечатлелся в ее сознании мгновенным подсчетом предполагаемой подаренной суммы, на которую могут рассчитывать молодожены. Результат был получен путем выведения среднего арифметического из нескольких первых конвертов и умножения на общее число гостей. Сами по себе расчеты были элементарны, но весь фокус заключался в скорости. Вера еще даже не успела прикинуть пресловутое «дано», а у него уже был готов ответ (правильность которого она, несомненно, потом проверила уже в доступном для нее темпе). Второй раз они увиделись ровно через год, как раз на первой годовщине все тех же молодоженов, которые к тому моменту уже успели друг другу порядком надоесть. Оставленный на пленке ее памяти негатив образа Александра как бы проявился в готовый снимок. В тот вечер он пошел ее провожать.

Так начались их встречи, которые продолжались почти три месяца: они ходили в кафе, гуляли по бульвару, держась за руки и даже целовались. И эти поцелуи были для нее совершенно новым ощущением. Они погружали ее в состояние внезапного беспамятства, когда наступает какая-то вакуумная мгла, а потом вдруг ты открываешь глаза и с удивлением видишь листву, которая шелестит на ветру, и траву со всем ее многообразием оттенков зеленого, и близко-близко его лицо, которое уже кажется родным, как отражение в зеркале. И вроде бы Вера чувствовала себя счастливой, но ей все равно казалось, что это мнимое счастье вызвано лишь зовом плоти и намеренно одурманивает ее наркозом влечения, чтобы она не ощущала уколов сомнений. И как тончайший и, казалось бы, тихий писк комаров в темноте мешает уснуть, так эти сомнения, все-таки проникая даже сквозь полупрозрачный полог чувственности, не позволяли ей полностью отдаться своей любви.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/leper_anna/rabota-nad-oshibkami

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити